

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH203720-730>

Исследовательская статья

Текуева Мадина Анатольевна
д.и.н., доцент, заведующий кафедрой этнологии, истории народов КБР и журналистики
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
tekievamadina@gmail.com

Нальчикова Елена Аниуаровна
к.и.н., доцент, заведующий кафедрой организации работы с молодежью
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
elenalchik@yandex.ru

Коновалов Андрей Анатольевич
к.и.н., доцент кафедры истории России
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
homunculus2@yandex.ru

Гугова Марина Хабасовна
к.и.н., доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории,
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН, Нальчик, Россия;
доцент кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
guqowa@mail.ru

ТРАДИЦИОННАЯ РОДИЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАБАРДИНЦЕВ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена бытованию элементов этнической родильной культуры кабардинцев в современном обществе. Анализируются разнообразные кейсы как возрастных респонденток, описывающих традиционные ситуации, так и более молодых женщин, повествующих о своем новационном опыте в данной предметной области. В статье вводятся в научный оборот авторские полевые материалы разных лет, собранные в селах и городах Кабардино-Балкарии. В интересах данного исследования отобраны свидетельства, содержащие этнографическую информацию о ранее скрытых сторонах приватного женского существования, а именно беременности, родах и о самом раннем периоде жизни ребенка. Используются метод включенного наблюдения и феноменологический подход, дающий слово участнику события, наделяющий их субъектностью и позволяющей женщине выразить скрытые глубины сознания. Существующая литература ограничивается фиксацией общих установок по отношению к молодой матери и описанием обрядов детского цикла первого года жизни. Восполняя исследовательский пробел, авторы акцентируют внимание на ранее вытесняемых из научного дискурса сторонах натального цикла. Поле этнографического исследования дополняется насыщенным описанием отношения женщин к беременности и родам, их ожиданиями и разочарованиями, тревогами и надеждами. Выявлены элементы традиционных сельских акушерских практик. Авторы утверждают, что в современном обществе наблюдается два процесса: с одной стороны – эрозия традиционных установок в родильной культуре, с другой – сохранение их элементов. Описываются как инварианты повседневной культуры, так и их временные вариации.

Ключевые слова: родильная культура; этнография родов; обряды детского цикла; женская повседневность; кабардинцы

Для цитирования: Текуева М.А., Нальчикова Е.А., Коновалов А.А., Гугова М.Х. Традиционная родильная культура кабардинцев и ее проявления в современности // История, археология и этнография Кавказа. 2024. Т. 20. № 3. С. 720-730. doi.org/10.32653/CH203720-730

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH203720-730>

Research paper

Madina A. Tekueva,
Dr. Sci., Assoc. Prof., Head of the Dep. of Ethnology, History of the Peoples of the KBR and Journalism,
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
tekuevamadina@gmail.com

Elena A. Nalchikova,
Cand. Sci., Head of the Dep. of Youth Work Organization
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
elenalchik@yandex.ru

Andrei A. Konovalov,
Cand. Sci., Assoc. Prof. of the Dep. of Russian History,
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
homunculus2@yandex.ru

Marina Kh. Gugova,
Cand. Sci., Assoc. Prof., Senior Researcher
Sector of Contemporary History, Institute for Humanitarian Research
Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS, Nalchik, Russia;
Department of Ethnology, History of the Peoples of the KBR and Journalism
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
gugova@mail.ru

TRADITION AND MODERNITY IN KABARDIAN MATERNITY CULTURE

Abstract. This article examines elements of the maternity culture among the Kabardians in contemporary society. It analyzes diverse cases, including older respondents' accounts of traditional practices and younger women's innovative experiences regarding this subject. The study incorporates the author's field materials collected over several years from villages and towns in Kabardino-Balkaria. The selected evidence includes ethnographic information about previously hidden aspects of private female life, specifically pregnancy, childbirth, and the early infancy. Employing participant observation and a phenomenological approach, this research gives voice to women, acknowledging their subjectivity and allowing them to express deeper aspects of consciousness. While existing literature primarily focuses on general attitudes towards young mothers and first-year rituals, this study addresses the research gap by exploring previously neglected aspects of the natal cycle in scientific discourse. It provides a rich ethnographic description of women's attitudes towards pregnancy and childbirth, including their expectations, disappointments, anxieties, and hopes. The study identifies elements of traditional rural obstetric practices, arguing that modern society exhibits two concurrent processes: the erosion of traditional attitudes in maternity culture and the preservation of some traditional elements. Both the consistencies of everyday culture and their temporal variations are explored.

Keywords: maternity culture; natal ethnography; rituals of the birth cycle; female everyday life; Kabardians.

For citation: M.A. Tekueva, E.A. Nalchikova, A.A. Konovalov, M.Kh. Gugova. Tradition and modernity in Kabardian maternity culture. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2024. Vol. 20. No 3. P. 720-730. doi.org/10.32653/CH203720-730

Актуальность

В настоящее время происходит стремительная утрата реликтов прошлого, поэтому любая попытка фиксации традиционной этнической культуры в современном смысловом пространстве становится важной научной задачей. Не является исключением и такая сфера повседневности, как рождение ребенка, и связанный с этим комплекс установок, суеверий, ритуалов. Актуальность и новизна темы статьи определяется следующими факторами: (1) наукой о Кавказе накоплен большой опыт этнографического описания различных элементов родильной культуры, однако неисследованными остаются некоторые сюжеты, связанные с историей женской повседневности; (2) в данной работе внимание акцентируется на частных аспектах беременности, родов, отношения к детности; (3) предпринятый анализ основывается на привлечении авторских полевых материалов, отличающихся откровенностью и раскрывающих личные переживания и опыт респондентов; (4) подобного рода исследования в последние годы многократно осуществлялись в отношении различных этнических культур, но не в отношении кабардинцев и балкарцев. Часть из них продолжает оставаться носителями «прежней» сельской культуры в силу своего возраста – по сути, уходящей натурой. Город не способствует устойчивому воспроизводству традиции, поэтому наш полевой материал представляет собой фрагменты / остатки исторической реальности.

Предметом изучения в настоящей статье является родильная культура кабардинцев. В необходимых случаях осуществляется сопоставление с культурой деторождения второго субъектообразующего народа – балкарцев.

Методология

Под родильной культурой мы понимаем социально-культурный комплекс смыслов и практик деторождения, совокупность семейно-бытовых обрядов, оформляющих ожидание, рождение и первые месяцы жизни ребёнка. Исследование элементов родильной культуры предполагает использование приема насыщенного описания, впервые сформулированного Клиффордом Гирцем [1]. В статье предприняты попытки зафиксировать не просто приводимые респондентами факты и ситуации, а раскрыть более широкие социокультурные контексты, которые ими не прямо проговаривались, но подразумевались. Именно они определяют предметное поле настоящего исследования.

Умение восстановить эти контексты, учет ментальной ситуации информанта, в значительной степени, определяющей его взгляд на реальность, способность взглянуть на окружающую действительность глазами этнофора предполагает феноменологический подход, который получил распространение сравнительно недавно [2, с. 22]. Применение этой исследовательской стратегии превращает респондента из пассивного объекта изучения в смыслопорождающий субъект [3, с. 141–142]. Этот взгляд во многом базируется на идее В. Дильтея о процедурах понимания, которые противопоставляются актам познания. Если последние предназначены для изучения повторяющегося и застывшего, то первые позволяют воспринять живую, развивающуюся реальность и представляют собой интуитивные, эмпатические акты сопоставления себя с другим.

В восстановлении базовых смыслов культуры большую помощь оказывает широко используемый нами метод включенного наблюдения, разработка и применение которого имеет давнюю историю. Достаточно вспомнить имена Бронислава Малиновского [4], Эдварда Эванс-Притчарда [5] и Маргарет Мид [6]. Бриджит Джордан, используя этот прием, делает рожениц активной стороной процесса коммуникации «исследователь-респондент», дает возможность взглянуть на ситуацию глазами женщины. Все вышперечисленное обосновывает необходимость исследовательской эмпатии, умения встать на место рожавшей женщины, проникнуться ее чувствами. А это невозможно без прямого общения с информантами, которое позволяет дать им право голоса. Подобный способ исследования был широко применен Энн Оукли [7; 8; 9].

В западном мире период естественных родов, связанный с передаваемым изустно женским знанием, завершился в конце XVIII в. [10] и был утрачен с проникновением в культуру современной медицины. Основываясь на тезисе о сохранении остатков архаики в современных северокавказских обществах,

с одной стороны, и проникновения современного взгляда на мир, с другой, мы прослеживаем зачастую противоречивое сочетание издавна существующих элементов традиционной культуры и их разрушения современными акушерскими знаниями. При этом наблюдается процесс перехода векового народного опыта к современным профессиональным медицинским практикам.

В последние годы большой вклад в изучение вопросов, рассматриваемых в данной статье, внесла Н.Л. Пушкарева. Начав с исследования женщин в истории и женской истории, она переходит к изучению следующих сюжетов: статусы женщин в исторической ретроспективе, власть и подчинение в гендерном контексте, история женских чувств и переживаний. Эти сюжеты имеют непосредственное отношение к тематике настоящей статьи. Ею было инициировано изучение антропологии родильной культуры: обрядов и суеверий, связанных с зачатием и беременностью; традиционного родовспоможения и плодоизгнания; материнства как социального института и т.д. Существенным вкладом в область науки, имеющим отношение к настоящему исследованию, является наделение женщин субъектностью, придание им возможности говорить собственным голосом [11; 12]. Ученицы и единомышленницы Н.Л. Пушкаревой, следуя ее методам, провели масштабные исследования по изучению сферы женской повседневности [13–17].

Феминистски ориентированный подход в зарубежной историографии (особенно и прежде всего англоязычной) способствовал возникновению интереса к репродуктивной политике и репродуктивным практикам в самом широком смысле этих понятий [18; 19]. Рационализация репродуктивного поведения все чаще представляла в исследованиях как реальное выражение женской социальной свободы, а способы ограничения рождаемости – как средство обоснования женщинами собственной идентичности.

Степень изученности проблемы

В этнографических описаниях советского времени, посвященных кабардинцам и балкарцам, отдельные разделы посвящены детскому циклу и сопровождающим его обычаям и обрядам. Общие установки в отношении беременных женщин многократно описаны в кавказоведческой литературе [20–26]. Не вдаваясь в подробности, перечислим их: оберегание беременной от тяжелых физических работ, душевных потрясений, следование народным пищевым и визуальным запретам, обряды, связанные с первым кормлением, укладыванием в колыбель, стрижкой первых волос и ногтей. К этому же ряду относятся круг суеверий, примет, предсказаний, ограничений, связанных с рождением первенца. Появление на свет очередных детей не считалось событием исключительным (кроме случаев долгого ожидания сына-наследника).

В последнее время было написано несколько диссертаций о лечебно-профилактической работе по охране здоровья женского населения Северного Кавказа в советский и постсоветский периоды¹. Они были написаны в русле истории медицины, но содержат важные данные для реконструкции интересующих нас процессов и явлений.

Задачей настоящей статьи служит освещение тех сторон повседневной жизни женщины, которые в силу традиционных установок на приватность обходились стороной. Однако эти страницы женского существования наполнены противоречивыми чувствами, составляющими сущность большого пласта ее жизни: надеждами и разочарованиями, любовью и отвращением, молчанием и болью; откровенностью и стыдом.

Материалы

В научной литературе встречаются авторские варианты периодизации истории родовспоможения [27], которые основываются на решении различных исследовательских задач медицинского,

1. Магомедова А.М. Научно-организационное обоснование оптимизации модели родовспоможения в Республике Дагестан. Дисс. на соиск. уч. степени кандидата медицинских наук. М., 2014; Исакова П.В. Научно-организационные подходы к снижению младенческой смертности в Чеченской республике. Дисс. на соиск. уч. степени кандидата медицинских наук. М., 2018; Ахмадов Т.З. Становление и развитие врачебно-санитарного дела на Северо-Восточном Кавказе (XIX в. – 1940 г.). Дисс. на соиск. уч. степени доктора медицинских наук. М., 2015.

социально-демографического и этнографического характера. Историю же родильной культуры на Северном Кавказе мы делим на два больших условных периода на основании степени устойчивости народных практик по ведению беременности и родов. Первый – традиционный, описываемый в этнографических терминах, охватывает время до советской модернизации. Во втором периоде выделяется два этапа. Первый начинается в конце 1920 – начале 1930-х гг., когда в повседневную жизнь кабардинского и балкарского села постепенно проникает медиализация процесса родовспоможения, в горных аулах появляются редкие фельдшерско-акушерские пункты, а в столице области – родильный дом. Мощный социокультурный сдвиг, совпавший с эпохой «оттепели» (с середины 1950-х гг.), обусловил переход сознания к современности. Это время строительства городов, большого количества промышленных предприятий, миграции в республику специалистов из других регионов, что обусловило заметные трансформации традиционного уклада жизни. Именно этот этап мы обозначаем в статье как «современность» или «модерн»

Предлагаемая нами периодизация фундируется следующими факторами: характер и материалы источников; практики родовспоможения от народных до профессиональных.

Информацию для изучения традиционного периода содержат общеизвестные этнографические обычаи, обряды и суеверия. Реальное их бытование описано в произведениях местных просветителей и свидетельствах сторонних наблюдателей XIX века [28–31]. Скудность демографических данных по брачности и рождаемости в прошлом частично может быть восполнена архивными материалами и опубликованными посемейными списками населения Нальчикского округа второй половины XIX в. [32; 33; 34] Редкую информацию можно почерпнуть из повседневных историй, связанных с интимными супружескими конфликтами, зафиксированными в судебных архивах Управления Нальчикского округа (Ф. И-6) и Горского словесного суда (Ф. И-22)².

Приступая к изучению второго периода, мы делаем упор на свидетельства женщин, имеющих опыт рождения ребенка и материнства. Их устные рассказы помогают определить степень сохранности в советский и постсоветский периоды традиционных стереотипов и культурных установок в отношении к женщинам, готовящимся к материнству, и к детям, родившимся в/вне брака; выявить место традиции и инновации в современной родильной культуре. Несмотря на развитие государственной системы акушерско-гинекологической помощи в советский период, для сельского населения Кабардино-Балкарии до конца 1950-х гг. сохраняли актуальность домашние роды, поэтому в своем исследовании мы делаем упор на информацию, полученную из нарративов женщин старшего поколения (1920–1930 г.р.), рожденных по старинке и зачастую рожавших в домашних условиях.

Результаты

Репрезентативный объем данных, позволяющих делать вывод о многодетности кабардинских и балкарских семей во второй половине XIX в, содержат архивные материалы посемейных списков Большой и Малой Кабарды и Балкарских обществ [32; 33; 34]. Использование этих данных, однако, имеет ограничение – в них учитывается количество только выживших детей, а детская смертность в тех исторических условиях была высокой. Таким образом, в реальности количество родов было значительно выше указанного в источниках количества детей. Исходя из общемировой практики ясно, что замужняя женщина беременела постоянно на протяжении всего репродуктивного периода. Игнорировать этот фактор при изучении истории повседневности невозможно.

В настоящей статье традиционная родильная культура рассматривается в соответствии с хронологией цикла «беременность – роды», поэтому следует определиться с отношением кабардинцев и балкарцев к беременности, деторождению, младенцам.

Первый вопрос, который возникает в связи с этим – планирование беременности, вернее, возможность подобного планирования в условиях традиционного общества. Статистика деторождения в до-революционный период практически неизвестна. Основные сведения мы черпаем из народных представлений в отношении деторождения, указывающих на то, что главной функцией брака считалась репродуктивная при идеальной установке на большое количество детей. Отсутствие детей считалось

2. Центральный Государственный Архив КБР (далее – ЦГА КБР).

несчастьем, или следствием неполноценности одного из супругов. Бездетность семьи чаще всего объяснялась нездоровьем женщины. В наших руках оказался редкий архивный документ о судебной тяжбе между супругами Матгири и Шамсет Балкаровыми, 1895–1896 гг. В прошении, поданном Шамсет Балкаровой, излагается суть дела: «*Исполнительным листом Горского словесного суда сельские власти требуют, чтобы я поехала в дом своего мужа Матгирея Балкарова, жителя селения Тыжева для испытания в способности сожительства его, так как ранее в течении почти трех лет моей с ним жизни он не мог выказать способностей мужеских, то благодаря предрассудку меня кормили разными самодельными микстурами и может даже противных животных как то мертвой кукушкой и прочее, якобы это может повлиять через меня на моего мужа, но конечно все это не помогло а только я терпела лишние страдания, опасаясь что родные и знакомые мужа и в настоящее время как бы не накормили меня какой-нибудь гадостью а может и ядовитыми вещами, от чего могут меня ими сделать на всю жизнь несчастной или даже калекой...*»³.

Помимо откровенного описания деликатной ситуации 18-летняя супруга предлагает смелый для своего времени способ разрешения конфликта – она просит перенести «испытательную площадку на свою территорию»: «... *приказать мужу моему испытать способности сожительства производить в доме моих родителей, жить со мною в Аргуданском селении, где нам будет отведено помещение и куда муж мой будет иметь полное право приезжать и во всякое время дня и ночи и жить сколько ему угодно. Если в течении срока, положенного судом, он покажет свои мужеские способности я без оговорок перейду туда, где найдет удобным мой муж*».

Подчиненное положение женщины в традиционно-патриархальной семье очевидно, поэтому решение Горского суда «*обязать Шамсет Балкарову возвратиться к мужу Матгери Балкарову для испытания способностей его к сожительству на годичный срок*» – ожидаемо⁴.

Здесь следует еще раз повториться, что сведения об интимной стороне деторождения очень скудны, информанты проявляют сдержанность и стыдливость. Нормой в традиционном кавказском социуме считалась многодетная семья, репродуктивные способности супругов априори подразумевались.

Идеальные установки осложняют исследовательский поиск реального отношения к планированию количества детей в семье. Смеем утверждать, что бывали нежеланные дети. Общество явно отдавало предпочтение детям мужского пола, а при рождении большого количества девочек (4–8) очередной давались «ограничительные имена»: *Ямыда* (ненужная – каб.), *Хуэмей* (нежеланная – каб.), *Бодцу* (хватит, достаточно – кар.-балк.), *Бурул* (повернись – кар.-балк.), *Уланкерек* (нам нужен мальчик – кар.-балк.), *Кызтума* (не родись девочкой – кар.-балк.). В Дагестане аналогичное – *Кистаман* – довольно девочек, в Ингушетии – *Сацита* (прекрати), *Тойита* (остановись) и т.п. Примечательно – все мужчины, даже детского возраста, названы в посемейных списках населения Кабардино-Балкарии рубежа XIX – XX вв. по именам, а дочери, также как их матери и бабушки, безлико объединены термином «души женского пола», приведено лишь их количество [32; 33; 34].

Причинами завершения репродуктивных планов могли быть разные факторы (болезнь женщины / мужчины, бедность, возраст), что ставило вопрос о методах народной контрацепции и способах прерывания беременности. В рассказах наших информантов наиболее часто упоминаются травяные настои, сборы, чаи противозачаточного действия.

Одно из использовавшихся средств, состоявшее из клевера (*къаз удз* – каб.), горной полыни (*удз дэгу* – каб.) и пижмы (*бадзэгэн* – каб.), получило название «*фызабэ шей*» (каб. – вдовий чай). Говорящее название чая иллюстрирует свободный вдовий статус женщины, которой сельское общество извиняло связь с мужчиной, но родить в этом статусе было «неприлично».

Неожиданной для нас оказалась информация о применении женщинами травяных чаев (душица и мята), которыми жена поила нелюбимого, постылого мужа для снижения его мужской силы / желания. Эта ситуация видится нам как некое исключение из обычных женских практик в обществе с патриархатной иерархизацией. При том, что противозачаточные сборы, вероятно, были достаточно широко известны, упоминание об этих средствах сопровождается осуждением, иронией, насмешкой, смущением.

3. Постановление Нальчикского Горского словесного суда, состоявшегося 9 января 1896 года за № 17 //ЦГА КБР И – 6, Оп. 1. Д. 409. Л. 2.

4. Постановление Нальчикского Горского словесного суда, состоявшегося 9 января 1896 года за № 17 //ЦГА КБР И – 6, Оп. 1. Д. 409. Л. 2.

Всего в двух нарративах (ПМА, 2024, Хашева Маржан, 1924 – 2020 гг., которая ссылается на рассказ своей свекрови, 1869 г.р, с. Зольское КБР и Джолова Марина, 1935 г.р., аул Понежукай РА) встречаются упоминания о способе барьерной контрацепции с использованием тонких бараньих кишок. Примечательно, что информация обеих респонденток имела иронично-негативную коннотацию. В первом случае упоминание о подобном способе предотвращения беременности связывалось с констатацией факта, что «мужчины уже не те: настоящий рыцарь не унизит женщину таким образом». Во втором случае, рассказ был об утренних сплетнях у сепаратора в начале 1960-х гг., когда одна из женщин со смешком показала товаркам привезенный мужем из города презерватив. Комментарий на это был такой: «*КIэтIий нэф нахъэй – пасэрей заманыр къэкIуэжауэ ра?*» («Как та слепая кишка – вернулись старые времена что ли?») – каб. яз.).

Таким образом, поверхностный анализ перечисленных методов предупреждения беременности демонстрирует их несовершенство и неодобрительное отношение к сознательному планированию детей в традиционном социуме.

«Непристойность», несовершенство и ограниченность применения народных способов контрацепции иногда приводили к нежелательной беременности. К прерыванию нежеланной беременности прибегали, в основном, женщины, не имевшие статуса замужней (незамужние девицы, вдовы, разведенные). Помимо общеизвестных в женской практике способов – прыжки с высоты, поднятие тяжестей, – в старое время могли применяться паровые ванночки (глиняный кувшин с горящими углями ставился в таз с кипятком), уксусные (кислые) спринцевания.

В крайних случаях, чтобы «скрыть грех», горянки прибегали к услугам повитух («*фызгъэлъхуэ*» (каб.) – женщина, которая помогает родить, «*киндик ана*» (балк.) – женщина, перерезавшая пуповину) [35, с. 338]. Они использовали, помимо вышеназванных, примитивно-хирургический способ прерывания беременности – заостренный ивовый прут.

Подобные экстремальные меры предпринимались во избежание рождения внебрачных детей. Г.-Ю. Клапрот в начале XIX в. писал о балкаро-карачаевцах: «Если кто-либо опозорит девушку или замужнюю женщину и это станет известно в деревне, <...> старейшины судят его, и приговор обычно бывает таким, что его изгоняют из страны <...>. Отец выгоняет свою опозоренную дочь, а муж – опозоренную жену из дома, и они никогда больше не имеют права взять их обратно в дом. Часто дело кончается смертью соблазнителя, и тогда опозоренный род уходит из своей деревни, чтобы вдали от своих бывших односельчан скрыть свой позор; однако такие случаи встречаются редко» [31, с. 248].

Строгость патриархатных стереотипов в отношении внебрачных детей оказалась стабильной установкой, которую не смогли поколебать процессы советской эмансипации. Информанты до сих пор сдержанны в рассказах о подобных случаях и идут на откровенность только с условием сохранения анонимности, поэтому их имена будут скрыты⁵. Уже сам этот факт представляется нам доказательством живучести традиционных требований к рождению детей только в браке. При всем разнообразии частных обстоятельств прослеживается общий паттерн: внебрачные связи не одобрялись, но случались, а появление ребенка переводило ситуацию в новый регистр, обозначавший ее необратимость. Отсюда необходимость передачи ребенка в другую, чаще бездетную семью. Так, А.З. (81 год) рассказывала, что в 1961 г. забеременела от молодого человека, который уходил в армию. Когда беременность стала заметна, братья обвинили А.З. в недостойном поведении и выгнали из дома. Одна из ее невесток поместила А.З. до родов у своих дальних родственников. Но и после родов братья не приняли ее с ребенком, а вынудили оставить сына бездетной паре. Будучи «опозоренной», она смогла выйти замуж только за пожилого мужчину и, навещая постоянно своего ребенка, в конце концов, забрала сына. (ПМА, 2017, с. Аргудан) Аналогичный случай произошел в с. Герменчик, Х.Х., 1942 г.р., в 1960 г., проводив в армию мужа, «загуляла с женатым мужчиной», от которого родила девочку. Муж из армии сообщил, что готов ее простить, но ребенка не примет. Х.Х. отдала ребенка бездетной паре (ПМА, 2020, с. Герменчик).

16-летняя Э.М. из с. Залукокоаже в 1970 г. забеременела от женатого мужчины, до последнего срока умело скрывала свое положение, избегая встреч с односельчанами, и будучи, наконец, разоблаченной, призналась в связи с женатым. Родственники девушки под угрозой судебного разбирательства

5. Здесь и далее мы указываем год и место записи интервью.

заставили соблазнителя жениться, что неизбежно привело к разводу с первой женой (ПМА, 2023, с. Залукокоаже). В середине 1980-х, по рассказу А.Х., она удочерила девочку, мать которой забеременела от женатого мужчины и была изгнана братьями из дома за «позор». Родившуюся девочку вынужденно отдала на удочерение в хорошую бездетную семью, иначе братья не позволяли ей вернуться домой (ПМА, 2024, КБР).

Структура следующего сюжета подразумевает недопустимость существования бездетной семьи и связанной с этим ощущение социальной неполноценности супругов. Для предотвращения подобной ситуации предпринимаются разные меры: от фактической полигамии (с последующей религиозной легитимацией) до принятия в семью сироты или ребенка родственников. Так, особенно в случаях доказанного бесплодия женщины, она сама могла инициировать привод еще одной жены. В с. Аргудан на рубеже 1920–1930-х Караль Кажарова, не имевшая детей и тяжело заболевшая, присмотрела для мужа 15-летнюю бедную девушку Таужан, за которую сама заплатила калым ее матери. Таужан родила в браке троих детей, при этом главным воспитателем их стала старшая жена – Караль. Они обе пережили своего мужа и вместе вырастили этих детей, продолжая жить одной семьей (ПМА, 2010, с. Аргудан). Аналогичная история описана в автобиографическом рассказе кабардинским прозаиком Зауром Налоевым. Он также был рожден второй женой отца, но приоритет в его воспитании имела его бездетная мачеха, которая, как и в первом случае, сама выбирала жену для своего мужа (ПМА, 2010, г. Нальчик). В с. Баксан в 1950-х гг. произошла похожая история, которая приоткрывает завесу над личными переживаниями женщин: великодушием, ревностью, любовью к детям. Бездетная жена М.М. оставила мужа, дав ему шанс родить наследника в новом браке. Однако, после известия о беременности новой жены, первая супруга возвращается к мужу, и воспитывает вместе с младшей женой троих детей. (ПМА, 2016, информант Шогенова С.Х., 1928–2018 гг., с. Чегем II).

В случаях отсутствия в семье детей супруги усыновляли племянников из многодетных семей или сельских сирот. Так, в 1922 г. семья Техажевых из с. В. Акбаш после череды младенческих смертей удочерила осиротевшую девочку Хуцину Дахову, после чего в семье родились двое своих детей (ПМА, 2024, г. Нальчик, информант Битоков В.М., 1958 г.р.). В с. Марзох в 1954 г. женщина отдала своей родной бездетной сестре С.А. сына. Там же, в 1991 г. мужчина отдал бездетному младшему брату новорожденного сына. В конце 1970-х бездетность семьи Т.Б. была компенсирована удочерением родной племянницы (ПМА, 2021, с. Морзох). На наш взгляд, множественность подобных случаев (передачи детей в семью родственников) демонстрируют ментальную готовность к этому процессу, обусловленную тем, что в этнокультурах кавказских народов на протяжении веков существовал престижный обычай аталычества и сохранялась инерция отношений большесемейной организации.

В традиционном сознании социально неполноценными воспринимались также семьи, не имевшие наследника, что рассматривалось как «символическая бездетность». В семье А.Т., после рождения второй дочери, решили усыновить еще не рожденного мальчика родственников. Для этого женщина, чтобы сохранить молоко, продолжала кормить грудью младшую дочь сверх необходимого – больше двух лет (ПМА, 2019, г. Нальчик). На рубеже 1940–1950-х гг. в Урванском районе семья с пятью дочерьми усыновила мальчика, которой и наследовал все имущество. В начале 1980-х гг. в Баксане семья (6 дочерей) из роддома взяла мальчика (ПМА, 2016, г. Баксан). Последние примеры наглядно демонстрируют не только установку на многодетность, но и на рождение наследника – продолжателя рода.

Существенные сдвиги в сознании, обусловленные процессами модернизации общества, сказываются в культуре родовспоможения. Еще относительно недавно обыденными были домашние роды. Переход к современности связан с процессами медиализации, подразумевающей роды в медицинском учреждении. Показательны быстрые (по историческим меркам) темпы указанных ментальных изменений. В качестве примера можно привести два кейса в одной родственной группе. В 1956 г. в с. Старый Лескен Р.К. достаточно буднично родила сына в домашних условиях. В 2022 г. уже в г. Нальчик у ее внучки произошли стремительные роды дома, но в современных условиях действует специальный протокол, который требует параллельного вызова скорой помощи и полиции. Сама по себе указанная ситуация стремительных родов оказалась стрессовой для родных и обсуждаемой в обществе, а дополнительным триггерным фактором стало снятие показаний у молодого отца.

Известные в кавказской культуре обычаи избегания между родителями и детьми диссонируют с отношением к последним. При том, что ребенок – смысл существования семьи, традиция требовала

отстраненного отношения к нему: нельзя публично хвалить, ласкать и наказывать детей. Карл Кох в середине XIX в. писал о черкесах: «Если даже материнские чувства, любовь в полную силу охватывают женщину при рождении ребенка, то с внешней стороны не проявляется при этом событии никакой радости, а отец нередко даже при этом отсутствует» [31, с. 597]. В рассматриваемом нами контексте перспектива появления ребенка обсуждалась приватно, невестка лично не сообщала напрямую старшим родственникам о своем новом положении, лишь намеками давала понять об этом доверенному лицу: «Когда женщина в первый раз с уверенностью может сказать, что она станет матерью, она этим очень гордится, так как с рождением первого ребенка она переходит в сословие женщин. Однако она обычно стыдится последствий этого состояния, которые становятся все более и более видны, и избегает веселых игр и песен сестер. <...> Муж в душе не менее ее гордится этим ее состоянием, но на это время избегает жены и нередко покидает дом на некоторое время, когда подходит время родов. Часто только спустя несколько недель после разрешения от бремени своей жены он снова возвращается в свой дом и, покраснев, приветствует жену и ребенка» [31, с. 596–597].

И в наши дни Жанна Темирканова, 1959 г.р. из Урванского района КБР рассказала, что, будучи беременной, избегала встреч с дедом мужа. После рождения первенца и проведения обряда *техъэтицIэ* (здесь: обряд одаривания невестки, «развязывания» языка – каб.) обычай избегания был немного смягчен. Но уже ее же невестка не постеснялась доложить о беременности следующим способом: «Завтра один месяц и один день будет...»; пользовалась своим положением и требовала исполнения пищевых и прочих капризов. В нарушение обычая из роддома ее забирала муж, молодые друзья и родственники – пышно с музыкой, цветами, на четырех машинах. Дома ждали накрытые свекровью столы и обряд «завязывания» в колыбель – *гуцэхэпхэ*. Обряд формальный т.к. ребенка переложили почти сразу же в кроватку (ПМА, 2023, Урванский район, КБР).

Б.К., 1991 г.р., выйдя замуж, уехала с мужем в Европу. Родив там ребенка, пригласила на выписку свою маму и родственников мужа. Ее забирала с цветами на двух машинах. Роженица перед выпиской сделала укладку, макияж, нарядно оделась, и ребенок был также парадно запеленат. Свидетели этой выписки с любопытством наблюдали их и спрашивали, не знаменитость ли эти молодые родители (ПМА, 2015, г. Нальчик)

Обычаи избегания сегодня фрагментируются, утрачивают сущность, сохраняя некоторые внешние проявления. Наши пожилые респондентки подчеркивали необходимость стойкого поведения во время родов, они воспринимали роды как повседневную, но «тяжелую женскую работу, которую необходимо выполнить» (ПМА, 2014, с. Заюково, Шерхова М.А., 1941 г.р.). Сдержанность в родах культивировалась в культуре. Нынешняя же родильная обрядность зачастую допускает торжественное уведомление о поле ожидаемого ребенка (гендер-пати), «стояние» многочисленных друзей и родственников, включая бабушек, под окнами роддома, шумную праздничную выписку ребенка с матерью.

Следует отметить, что наряду с рассмотренными новациями в родильной культуре кабардинцев и балкарцев присутствуют инвариантные элементы, сохраняющие социокультурную значимость. Так, для кабардинцев рождение ребенка в прошлом должно было проходить в доме мужа, и сегодня женщина отправляется в роддом оттуда же. В то же время у балкарцев период до родов (приблизительно месяц – сорок дней) и после родов женщина проводит в доме своей матери. Начало социализации ребенка и у тех, и у других связано с обрядами первой стрижки ногтей и волос у новорожденного. Эти обычаи и функции их акторов сохраняют свое значение до сих пор. Важным событием в жизни семьи, в которой появился ребенок, является обряд первого укладывания его в люльку. В прошлом в нем участвовали только женщины старшего возраста, а сегодня он может проводиться в ресторане при большом числе родственников обоего пола. Большое значение в контексте настоящей статьи имеет обряд имянаречения. В традиционном обществе имя давали либо старшие родственники, либо уважаемые люди. Сейчас часто бабушки и дедушки передоверяют эту функцию своим детям, но сам этот факт свидетельствует о том, что прежняя практика имянаречения удерживается в памяти и нуждается в экспликации. Перечисленные элементы родильной культуры нуждаются в отдельном исследовании, в настоящей же статье авторы сосредоточились на традиционных аспектах и их инновациях, непосредственно связанных с родами.

Выводы

Проведенный анализ позволяет утверждать, что:

Родильная культура представляет собой локальное явление, в котором, однако, отражается характерная для обществ, относительно недавно переживших модерную трансформацию, ситуация столкновения традиционных и современных элементов.

Традиционные установки по отношению к элементам родильной культуры в условиях модернизации переживают эрозию. Зачастую фиксируются внешние проявления при утрате изначальной сущности. При этом кабардинцы сохраняют самобытные элементы повседневного быта, составляющие целостный натальный комплекс. Динамизм этой системе придает привнесение элементов постмодерной культуры, а стабильность (устойчивость) обеспечивается сохранением архаических пластов сознания, выражающихся в возрождении традиционных поведенческих практик. В практиках репродуктивности прослеживаются два варианта: возрождение древних обрядов с осознанием их символического и мировоззренческого смысла и значения и механическое соблюдение обрядов без осознания их глубинного смысла на уровне декоративного оформления события рождения ребенка.

В кабардинском обществе существовали сильные традиционные установки на планирование семьи – использование всего репродуктивного периода для рождения детей, что доказывается ориентированностью на многодетность. Анализ информации, полученной от респондентов старшего поколения о предотвращении или прерывании беременности в прошлом, имеет маргинальный характер и сопровождается негативными коннотациями.

Проведенное исследование этапов родильного комплекса обычаев, стереотипов и фреймов поведения позволяет продуктивно изучать повседневные женские практики воспроизводства рода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гирц К.Д. Интерпретация культур. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 560 с.
2. Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии: трудный путь к очевидности. М.: РГГУ, 2003. – 381с.
3. Коновалов А.А., Кумахова З.Х. Картина мира черкесской женщины XIX в.: методология и направления исследований // Электронный журнал «Кавказология». 2017. №3. [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/> (дата обращения: 12.04.2024). DOI: 10.31143/2542-212X-2017-3-140-154
4. Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 960 с.
5. Эванс-Пritchard Э.Э. Нуэры. М.: Наука, 1985. – 236 с.
6. Мид М. Культура и мир детства. М: Наука, 1988. – 430с.
7. Oakley A. Interviewing Women: A Contradiction in Terms // *Doing Feminist Research* / Ed. by H. Roberts. London: Routledge & Kegan Paul, 1981.
8. Oakley A. The captured womb: A history of the med. care of pregnant women. Oxford; New York: Blackwell, 1984. 352p.
9. Oakley A. Essays on women, medicine and health. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1993. 295p.
10. Dye N.S. History of Childbirth in America // *Signs*. 1980. Vol. 6. № 1. P. 97–102.
11. Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997. – 381с.
12. Пушкарева Н.Л. Мать и дитя в Древней Руси (отношение к материнству и материнскому воспитанию в X–XV вв.) // Этнографическое обозрение. 1996. № 6. С. 72–79.
13. Мухина З.З. Плодоизгнание и контрацепция в традиционной крестьянской культуре европейской России // Этнографическое обозрение. 2012. № 3. С. 147–160.
14. Мухина З.З., Пушкарева Н.Л. Дородовой период и роды в жизни крестьянки пореформенной России (преимущественно центральных губерний) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2012. № 7. С. 161–168.

REFERENCES

1. Girtz KD. *Interpretation of Cultures*. Moscow: Rossyiskaya Politicheskaya Entsiklopediya, 2004. (In Russ)
2. Karavashkin AV., Yurganov AL. *Experience of Historical Phenomenology: The Difficult Path to Obviousness*. Moscow: RSUH, 2003. (In Russ)
3. Kononov AA., Kumakhova Z.Kh. World view of a Circassian Woman of the 19th Century: Methodology and Research Directions. *Electronic Journal "Caucasology"*. 2017; 3. Available at: <https://kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/> (accessed: 12.04.2024). DOI: 10.31143/2542-212X-2017-3-140-154 (In Russ)
4. Malinovsky B. *Selected Works: Dynamics of Culture*. Moscow: Rossyiskaya Politicheskaya Entsiklopediya, 2004. (In Russ)
5. Evans-Pritchard E.E. *Nuers*. Moscow: Nauka, 1985. (In Russ)
6. Mid M. *Culture and the World of Childhood*. Moscow: Nauka, 1988. (In Russ)
7. Oakley A. Interviewing Women: A Contradiction in Terms. In: Roberts H. (ed.). *Doing Feminist Research*. London: Routledge & Kegan Paul, 1981.
8. Oakley A. *The captured womb: A history of the medical care of pregnant women*. Oxford; New York: Blackwell, 1984.
9. Oakley A. *Essays on women, medicine and health*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1993.
10. Dye NS. History of Childbirth in America. *Signs*. 1980; 6(1): 97-102.
11. Pushkareva NL. *Private Life of Russian Women: Bride, Wife, Mistress (10th – early 19th Century)*. Moscow: Ladomir, 1997.
12. Pushkareva NL. Mother and Child in Ancient Rus' (Attitudes to Motherhood and Maternal Education in the 10th–15th Centuries). *Etnograficheskoe Obozrenie*. 1996; 6: 72-79.
13. Mukhina ZZ. Abortion and contraception in the traditional peasant culture of European Russia. *Etnograficheskoe Obozrenie*. 2012; 3: 147-160.

15. Пушкарева Н.Л., Мицюк Н.А. Модернизация репродуктивного поведения образованных россиянок второй половины XIX – начала XX в. // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 3. С. 73–89.
16. Пушкарева Н.Л., Мицюк Н.А. Повивальные бабки в истории медицины России // *Вестник Смоленской государственной медицинской академии*. 2018. Т. 17. № 1. С. 189–189.
17. Мицюк Н.А., Пушкарева Н.Л., Белова А.В. История деторождения как предмет социально-гуманитарных исследований в России // *История медицины*. 2019. № 3. С. 153–157.
18. Solinger R. *Pregnancy and Power: A Short History of Reproductive Politics in America*. New York: New York University Press, 2005.
19. Kitzinger S. *The Politics of Birth*. – New York: Elsevier Butterworth Heinemann, 2005.
20. Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / отв. ред. А.Х. Абазов, Ю.Д. Анчабадзе, А.В. Кушхабиев, М.М. Паштова. М.: Наука, 2022. – 870 с.
21. Мафедзев С.Х. Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов в XIX – начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 1991. – 253 с.
22. Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Эль-Фа, 2002. – 364 с.
23. Боташев М.Д. Роли мужчины и женщины в семейно-родственной организации карачаевцев // *Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы*. М: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. С. 233–242.
24. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа, вторая половина XIX–XX в. М.: Наука, 1983. – 264 с.
25. Шаманов И.М. Обряды и поверья карачаевцев, связанные с рождением ребенка (XIX – начало XX в.) // *Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии*. Черкесск: Б. и. 1980. С. 72–94.
26. Каракетов М.Д. Миф и функционирование религиозного культа в заговорно-заклинательном ритуале карачаевцев и балкарцев. М: Старый сад, 1999. – 283 с.
27. Белова А.В., Пушкарева Н.Л., Мицюк Н.Ф. Человек рождающий. История родильной культуры в России Нового времени. М: Новое литературное обозрение, 2022. – 512 с.
28. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. – 232 с.
29. Хан-Гирей С. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978. – 333 с.
30. Абаев М.К. Балкария. Нальчик: Эльбрус, 1992. – 39 с.
31. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв./ сост. В.К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974. – 635 с.
32. Посемейные списки населенных пунктов Нальчикского округа. 1886 год. Нальчик: Эль-фа, 1999. – 426 с.
33. Посемейные списки населенных пунктов Нальчикского округа. 1886 и 1905 годы. Нальчик: Эль-фа, 2000. – 482 с.
34. Посемейные списки селений Малой Кабарды за 1886 год /сост. Р.К. Кармов. Нальчик: Принт Центр, 2020. – 777 с.
35. Карачаевцы. Балкарцы/ Отв. ред. М.Д. Каракетов М: Наука, 2014. – 815 с.
14. Mukhina Z.Z., Pushkareva N.L. The prenatal period and childbirth in the life of a peasant woman in post-reform Russia (mainly in the central provinces). *Scientific Bulletin of Belgorod State University*. 2012; 7: 161-168.
15. Pushkareva N.L., Mitsyuk N.A. Modernization of reproductive behavior of educated Russian women in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Woman in Russian Society*. 2016; 3: 73-89. (In Russ)
16. Pushkareva N.L., Mitsyuk N.A. Midwives in the History of Medicine in Russia. *Bulletin of the Smolensk State Medical Academy*. 2018; 17(1): 189-189. (In Russ)
17. Mitsyuk N.A., Pushkareva N.L., Belova A.V. The History of Childbirth as a Subject of Social and Humanitarian Research in Russia. *History of Medicine*. 2019; 3: 153-157. (In Russ)
18. Solinger R. *Pregnancy and Power: A Short History of Reproductive Politics in America*. New York: NY University Press, 2005.
19. Kitzinger S. *The Politics of Birth*. New York: Elsevier Butterworth Heinemann, 2005.
20. Abazov A.Kh., Anchabadze Yu.D., Kushkhabiev A.V., Pashtova M.M. (eds.). *Adyghe: Adyghe. Kabardians. Circassians. Shapsugs*. Moscow: Nauka, 2022. (In Russ)
21. Mafedzev S.Kh. *Intergenerational transmission of traditional culture of the Adyghe in the XIX – early XX centuries*. Nalchik: Elbrus, 1991.
22. Mambetov G.Kh. *Traditional culture of Kabardians and Balkars*. Nalchik: El-Fa, 2002. (In Russ)
23. Botashev M.D. Roles of men and women in the family-kinship organization of the Karachais. *Man and woman in the modern world: changing roles and images*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, RAS. 1999: 233–242. (In Russ)
24. Smirnova Ya.S. *Family and Family Life of the Peoples of the North Caucasus, the Second Half of the 19th–20th Centuries*. Moscow: Nauka, 1983. (In Russ)
25. Shamanov I.M. Rites and Beliefs of the Karachais Associated with the Birth of a Child (19th – Early 20th Century). *Problems of the Ethnic History of the Peoples of Karachay-Cherkessia*. Cherkessk: B. I. 1980: 72–94. (In Russ)
26. Karaketov M.D. *Myth and Functioning of the Religious Cult in the Conspiracy-Incantation Ritual of the Karachais and Balkars*. Moscow: Staryi Sad, 1999. (In Russ)
27. Belova A.V., Pushkareva N.L., Mitsyuk N.F. *A Giving Birth Human. History of the Maternity Culture in Modern Russia*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2022. (In Russ)
28. Nogmov Sh.B. *History of the Adyghe people*. Nalchik: Elbrus, 1994. (In Russ)
29. Khan-Girey S. *Notes on Circassia*. Nalchik: Elbrus, 1978. (In Russ)
30. Abaev M.K. *Balkaria*. Nalchik: Elbrus, 1992. (In Russ)
31. Gardanov V.K. (comp.). *Adygs, Balkars and Karachais in the news of European authors of the 13th–19th centuries*. Nalchik: Elbrus, 1974.
32. *Family registers of settlements in the Nalchik district. 1886*. Nalchik: El-fa, 1999. (In Russ)
33. *Family registers of settlements in the Nalchik district. 1886 and 1905*. Nalchik: El-fa, 2000. (In Russ)
34. Karaketov R.K. (comp.). *Family registers of villages in Malaya Kabarda for 1886*. Nalchik: Print Center, 2020. (In Russ)
35. Karaketov R.K. (ed.). *Karachais. Balkars*. Moscow: Nauka, 2014. (In Russ)

Поступила в редакцию 04.07.2024 г.
Принята в печать 31.07.2024 г.
Опубликована 15.09.2024 г.

Received 04.07.2024
Accepted 31.07.2024
Published 15.09.2024